

тервін під московсько-большевицьким ярмом, не ущу- хало; точилися майже по всіх українських землях збройні виступи, працювали завзято повстанці. І ось, щоб допомогти рідному народові, що кровавився у змаганнях, щоб зміцнити організацією розкиданий стихійний повстанчий рух та щоб заразом і заманіфестувати перед усім світом державницькі прагнення Українського народу та його боротьбу — Інтернаціона Українська Армія уважується на велетенський безприкладний чин. Із таборних бараків, ізза інтернаціональних дровів рушає вона 1921 р. окремими групами на допомогу повстанцям у так званій „Листопадовий похід“.

Неймовірно тяжкий був цей похід і ще жахливіше, було його трагічне криваве закінчення. Похід розни- чався двома повстанчими відділами — один яко Головна повстанча група під керівництвом Генерал-Корунного Ю. Тютюника, другий під команду Підполковників Палія та Чорного. Менший відділ на чолі в Підполковником Палієм, а по його пораненні в Підполковником Чорним відомо доконав свого рейду, пере- рейшовши Україною біля 1.500 верст, буреломними на- скоками розбиваючи, розсіюючи значні большевицькі сили, вслані для ліквідації повстанців, та грізно ни- щучи заклади чужинецького московського панування на своєму бойовому шляху. Повернувся цей славний повстанчий відділ знову за кордон лише годі, як ді- зивавсь про розгром і ліквідацію Головних повстан- чих сил.

Інша зовсім доля спіткала Головну повстанчу групу Ген.-хор. Ю. Тютюника. Цей відділ був пере- важно піший, більший числом і через те тяжчий в ру- хові. Перша ж невдача під м. Коростинем позбавила повстанців можливості озброїтися і одягтися, а зара- зом і заалармувала червоні війська, які усім своїм тя- гарем навалились на них і почали неустанно переслі- дувати. Ось так без достатньої зброї, наївігола, наїві- боса, голодні, перетомлена, через глибокі сніги, тер- плючи неможливо від скажених холодів з тяжким обо- вом великої кількості поранених, хворих і поморожених, під постійним натиском ворога ця Головна повстанська група, кровю та людськими терпіннями значучи слід, свого довгого рейду, героїчно доконала Листопадового походу, що прайв її на кінець до трагічного Базару. Свідомість, дисципліна, розуміння обов'язку перед Бать- ківщиною, лицарська висока честь, витривалість, завзя- тість і героїзм старшин і козаків цієї групи справді гідні найбільшого здивування і признання. Ці люди стійко і мужньо перемагали величезні терпіння і муки, і в цих терпіннях та смерті змогли піднеситись до та- кого високого рівня героїзму на який лише здібна людська істота. Неймовірно тяжкий був цей бойовий Листопадовий похід для війська Головної групи і закін- чився він жахливо під Базаром.

Останній акт трагедії нерівного героїчного зброй- ного змагання з ворогом і суворого природою відіграв- ґе біля с. М. Мінки. Повстанці були оточені зі всіх боків великими силами червоних і знесилені терпіннями від холоду й голоду, та перетомлені до краю переслі- дуванням ворога, були розгромалені. Довго тягся упер- тий бій. Вояки українські бились, як леви, бороновились до останнього вабою. Бачучи нарешті свою неспу і безвизідність становища, велика кількість старшин і ко- заків покінчила самогубством, розриваючи своє тіло власними гранатами. Біля 400 чоловік повстанців заги- нуло у цім кровяній бою, біля 400 було полонено. Три- ста п'ятдесят дев'ять стало на жорстокий і неправий суд московського „Чека“ і засуджені були до роастрілу. Всі вони 22 листопаду 1921 р. і були роастріляні та по- ховані в одній брацькій могилі під Базаром.

Умерли вони мужньо і гордо. На краю своєї могили, під ворожими кулеметами піднесли на найвищий ша- пель героїзму: гордо і з призирством відкинули про- позиції ворога заради домилування вступити до черво- ного війська і мужньо в обличчя катів кинули палкі слова своєї Правди.

Коли почали наводити кулемети, а групи засудже- них розголосились промови і гасла, в яких вони стверд- жували і свідчали свою лицарську смерть за Вітчизну. В промовах коротких, але вогнистих, згадувалось, що умірають вони за Волю України, за свій народ, за Правду і заприсягались, що смерть їхня гнобителям не проститься. Гучне „Слава! Слава Україні!“ покрило ці промови, а по цім почали смертників співати гімни „Ще не вмерла Україна“... Ворожі стріли припинили життя борців за свою Батьківщину.

Згадуючи з сумом 10-ту річницю цієї кровавої української трагедії, хочеться одночасно і гордо крик- нути на весь світ про безприкладний лицарський чин нашої славної вивольної зброї.

Хочеться щиро сказати усім нашим друзям, що мужня героїська смерть 359 борців за Україну гідна найглибшої пошани та наслідування не лише серед нас, українців, а і серед всіх наших приятелів і в першу чергу серед тих, хто сам з таким же болем і жертвами змагається за Волю своєї Батьківщини.

Хай же смерть 359 буде назаважди світлим прикла- дом і стимулом сили та незломності усім борцям за найвищу людську правду — за Волю і Долю своєї землі і народу.

Смерть бо 359 українських вояків є найвищою сла- вою нашої вивольної зброї, смерть їх є найбільшим найпшнішим нивітом традиції мужности наших ста- родавних козацьких предків. Є ця смерть вартою того, аби нею увітчати найліпші сторінки всесвітньої історії людських змагань за найвищий, найцінніший ідеал життя — за Свободу.

Саяжа Балыков.

„Быкадоровщина“ наизнанку.

Читавши 92-й номер „В. К.“ безусловно обратили внимание на выступление И. Ф. Быкадорова на докла- де Ш. Балинова в Париже. Несомненно и то, что мно- гих это его выступление удивило, как своей неожидан- ностью, так и полной противоположностью тому, что говорил и писал этот человек в последние три года до этого.

Однако, для тех вольных казаков, кто и курсе со- бытий в центре „В. К.“, а в особенности кто знаком с поведением и направлением работы Быкадорова в по- следние два года, нынешний его трюк ничего нежиз- ния, ни тем более печального не представляет.

Вольноказачье течение, слава Богу, уже пережило тот этап своего развития, когда „потеря веры“, поли- тические и моральные уклоны того или иного работни- ка в его среде могло бы иметь в его судьбе большое значение.

За четыре года своего роста оно не раз уже ви- дело и пережило всяческие отпадения, подвергаясь под- охам, подкупам, обманам и все это не мешало ему

расти, все прочнее и гуще окружаться преданными чле- нами, а иные отпадения, как очищающий его среду факт, бывали даже полезны, избавляя его от поли- тических гастролеров сегодняшнего дня.

И. Ф. Быкадоров был в первые два года существо- вания В. К. его видным членом. Не скажу, что даль- нейшая его служба Казачеству была бы не нужна, но я положительно уверен, что и потеря им веры в успех В. К. ничего значительного для Вольного Казачества не представляет.

Если бы Быкадоров после своего первого выступ- ления на докладе Балинова не выступил через несколь- ко минут вторично, то много можно бы сказать и при- несть в его адрес. Но, так как, второе его выступле- ние значительно разнится от первого, немного меняет его и смягчает, то мне остается только обратитъ вни- мание вольных казаков на то, что поведение И. Ф. Бы- кадорова все время и было именно такого рода. Слу- шая его сегодня, никто не мог быть уверенным, что

завтра, или даже раньше, он не скажет совершенно обратное.

Пока он говорит, что только „потерял веру“ в возможность осуществления в жизни вольноказачьей идеи. Всем, не потерявшим веры он желает успеха, обещает в случае удачи быть нашим рядовым соратником в деле служения Казачеству. Пока это так, то большой беды нет. Ну, старина пал духом, увидел всю трудность взятой нами задачи и развинулся. Нам, конечно, останется выразить ему соболезнование по поводу охватившего его душу отчаяния, а себе скомандовать: „Сомкнись!“ Ему же пожелаем только одного: чтобы, потеряв веру в Казачество, он не обрел бы веру в другое „дело“ в эта новая вера не повела бы его еще куда-нибудь...

Мне лично не нравится одно место в его выступлении. Именно то, где он, как будто между прочим, сказал, что большевикам не только чисто русское явление, что и Казачество в 17 году приняло его в целом.

Не хочется, но в голову так и лезет мысль спросить И. Ф. Быкадорова: значит мы, борясь с больше-

виками, боролось против желания Казачества в целом?.. Так, что ли? Отсюда, если логически развить его мысль, если служить Казачеству, то надо, может быть, служить именно в этом направлении его восприятия большевиками в целом? Так, что ли?

Я полагаю, что И. Быкадоров просто неосторожно бросил эту мысль. Если же это, вопреки ожиданию, было бы не случайностью, а обдуманым заявлением, то это, действительно, было бы ужасно для человека в его рода. В таком случае, к своему соболезнованию, казаки должны будут прибавить в его адрес еще и презрение.

Было время, когда „быкадоровщину“ тревил русские публицисты, при чем, без всякого обоснования, под этим термином они подразумевали вольноказачье течение вообще. Теперь, пожалуй, этим же русским придется брать за восхваление „быкадоровщины“ на выворот. Возможно, что они и на этот раз, по этой „быкадоровщине“ захотят характеризовать все Вольное Казачество. Должны заранее уверить на этот случай, что это будет такой же ошибкой, как и в первый раз.

Ив. Скобелин.

Дезертир.

(Думы на докладе 1-го ноября).

1-го ноября в Париже, во время прений по докладу Ш. Н. Балинова, я пережил неприятные минуты, доставившие моему казачьему сердцу невыносимую боль, мучительные страдания. Это были минуты, когда ген. Быкадоров сбавчиво прибавил ко Кресту, на котором распято Многогосударственное Казачество, надпись: „полагаемое“ и „способность“ и путанно, но все же определенно выступил против В. К., против идеи казачьей независимости и вообще против всего Казачества.

Человек, который только вчера благоговейно читал Идею казачьей независимости, свято цоклонялся Вольному Казачеству, пламенными словами зажег казачье сердца, воскрешал в казачьей душе казачье сознание, своими историческими исследованиями восстанавливал былую казачью славу, картину былого независимого Вольного Казачества, призывал казаков служить только Ему; человек только вчера видевший единственное и высшее благо Казачества в его независимости, — а тот человек сегодня извилисто и блудливо пытается осквернить распятое Казачество и поставить крест на свое недавнее прошлое, на все свои вчерашние слова и деяния.

Какое проклятое время, рождающее таких непостижимых перевертней! И как тяжело присутствовать на таком повстине жалком арлеоне, когда больше чем взрослый человек публично сечет себя розгами...

Правда, Быкадоров там же заявил, что „не отказывается ни от одного своего слова“, что он по-прежнему твердо стоит на том, что русские всегда давили Казачество, что даже в 1917 году вр. правительство „выборного войскового атамана и все Донское Войско объявило мятежниками“; что „может ли быть, господа, чтонибудь подлее и гнуснее? И подлость эта остается девственной до настоящего дня: мы не слышали до сих пор признания в своем преступлении главных виновников тогдашних событий. К сожалению, имеются казачьи деятели еще и сейчас на службе у этих российских „вождей“; что „общей государственной жизни у Казачества с русским (великорусским) народом не может быть: у казаков нет и не может быть доверия к русскому народу. Совместная государственная жизнь может быть в результате порабощения одного другим. Казачество никогда не стремилось к тому, а у великорусского народа порабощение, великодержавность является его природой“; что „только при своем самостоятельном государственном бытии и может Казачество жить и пользоваться своими естественными богатствами, развернуть свои силы, духовные и материальные“ в т. д. и т. п.

Ни от одного из этих своих утверждений Быкадоров не отказывается и все же он, от этой казачьей жемчужины — В. К. — „вот уже полтора года как ото-

шел“, молчал, а теперь выступил против. Быкадоров продолжает утверждать, что русские искусственно создали „московскую теорию происхождения донских казаков от беглых крестьян Московского государства. На этой нелепой, исторически абсурдной теории воспитывались поколения грамотных людей в России, ею одурманивали самосознание Казачества. Результат: среди видных деятелей Казачества — „русских интеллигентов“ — казаков по происхождению вырабатывалась психология: лучше быть даже лакеем, но у большого барина“.

Но... теперь Быкадоров сам желает быть лакеем, ибо говорит, что „Казачеству лучше быть в составе сильного, могучего государства“, а потому он против В. К.!

Быкадоров стоит твердо на том, что донские казаки представляли особую от великоруссов народность: с особой идеологией, психологией, бытом, особой (рациональной) деятельностью; он по-прежнему утверждает, что Вольное Казачество — Казаки — было в себе особый мир от московского (русского). Эти два мира всегда были противоположными и всегда враждебными друг другу, как следствие различной природы казачьего и русского (великорусского) народа...

Все же, он теперь против В. К., против казачьей независимости вообще!

Это, очевидно, дипломатический подход! Быкадорова к казачьей массе. Но, казак же из лыка шит и связь, разведку в отношении может вести не только на военно-боевом, но и на политическом фронте.

Все мы знаем, что Быкадоров всего полтора года тому назад обратился с пламенным призывом к „Внукам“, в котором писал: „В старину было то на Дону: Войска Славного ратная сила доблесть, честь, как святую хранила. Где теперь его рать? Нам ее не сыскать — из родного гнезда сила вражья ее ревогнала. Пали одна живых доля — беславия дни. Погибли знамена, их буря-гроза растрепала. Край наш Родимый поруган, братья и сестры в окопах-цепях, дети у хищинок в цепках когтях. Пали духом отцы, от битв новых они отказались; но заветы дедов, тех могучих орлов, как святые знамена остались. Внуки! Вы стали орлами, — расправьте ж могучие крылья и клетком слова разбейте отцовские цепи беславия. Мыслю, сердцем и волей в едином рать собирайтесь, в стаю могучих орлов вы слетайтесь. наших предков-дедов, верных Дона сынов, своим внукам — святые заветы: наша сила, знамена, присяга — обеты. Грозной тучей, стаей могучей полетим мы вперед на врагов и Край наш Родимый и братьев страдальцев спасем из тяжелых оков.“

Такие яркие сравнения, живые, полные пафоса, казачьего патриотизма слова, глубоко западавшие в казачью душу, находились у Быкадорова всего полтора